

Чем опасны санкционные гонки между США и Россией

Евгений Прейгерман

Лето-2018 в российско-американских отношениях стало нетипичным саммитно-санкционным периодом. Пока эксперты и журналисты продолжают [переваривать](#) все новые детали состоявшегося месяц назад саммита в Хельсинки, из Вашингтона приходят сообщения об очередных санкциях. Как уже утвержденных, так и ожидаемых.

Группа сенаторов внесла в Конгресс [законопроект](#) под названием «Акт по защите американской безопасности от агрессии Кремля-2018», который суммирует существующие санкции и предлагает новые. А исполнительная ветвь американской власти вновь [обратилась](#) к «делу Скрипалей». Напомним: в марте в британском Солсбери произошло отравление отца и дочери Скрипалей предположительно химическим веществом «Новичок». Почти сразу после этого США вместе с рядом европейских государств применили санкции в отношении России, которая, по их мнению, стоит за инцидентом. Сейчас в Вашингтоне решили вернуться к этой теме, так как Россия «использовала химическое и биологическое оружие в нарушение международного права против своих же сограждан».

В итоге администрация Трампа заявила о вводе фактически двух пакетов санкций. Первый должен вступить в силу 22 августа и будет касаться запрета на экспорт в Россию ряда товаров: электронных устройств, датчиков и лазеров, нефте- и газодобывающего оборудования, а также информационных технологий. Второй – может стать реальностью на три месяца позже, если Россия не убедит США в том, что не нарушает свои обязательства в области неприменения химического и биологического оружия. В таком случае Вашингтон декларирует готовность даже снизить уровень дипломатических отношений и прибегнуть к жестким ограничениям импорто-экспортных операций. Представитель Госдепа [предположил](#), что речь может идти о потерях в несколько сотен миллионов долларов. По его словам, санкции могут предполагать и «запрет на займы из любого американского банка».

Санкции ≠ стратегия

Когда санкции и контрсанкции объявляются с возрастающей регулярностью, мотивационная часть конкретного решения становится все менее актуальной для анализа. Ключевое значение приобретает то, куда ведет тенденция и какие преднамеренные и непреднамеренные последствия она может иметь.

Понятно, что новые американские санкции не способствуют прогрессу по даже скромным [договоренностям](#), достигнутым на саммите в Хельсинки. Премьер-министр России Дмитрий Медведев [назвал](#) решения Госдепа «полноценной экономической войной». Чем чаще слово «война» (экономическая или еще какая-то) будет звучать в официальном российском лексиконе, тем больше это слово будет оказывать давление на сам Кремль: пусть и во вред самой себе, но Россия будет вынуждена придумывать сюрпризы в виде ответных мер. Любая эскалационная спираль в двусторонних отношениях США и России, очевидно, будет обострять и множество проблем мирового значения.

За этими достаточно очевидными выводами – менее обсуждаемая, но еще более серьезная проблема: отсутствие мало-мальской стратегичности в политике США в отношении России (и, вероятно, не только России). Санкции [не могут быть](#) основным инструментом внешней политики, и уж тем более они не могут стать внешнеполитической стратегией. Если санкции не являются органичной частью полноценной внешнеполитической стратегии, а используются реакционно, то они лишь создают хаос и неизбежно ведут к разного рода непреднамеренным последствиям.

Решение о введении новых санкций в рамках дела Скрипалей выглядит особенно нестратегичным с точки зрения внешней политики США. Госдеп объявил о нем в тот момент, когда в Москве находился сенатор Рэнд Пол, который передал в Кремль письмо от Трампа. По утверждению самого сенатора, в этом [письме](#) «подчеркивается важность дальнейшего сотрудничества в различных областях, в том числе в борьбе с терроризмом, углублении диалога в законодательной сфере и возобновлении культурных обменов».

Хаотично появляющиеся санкции выглядят странно и с позиции ключевых тезисов [Национальной стратегии обороны США](#), принятой в январе этого года. В частности, она определяет в качестве главного приоритета для Минобороны США долгосрочное конкурентное противостояние с Россией и Китаем. И если исходить из [тезиса](#) о нарастающей конфликтности в отношениях между великими державами, то полноценная стратегия, которая не только прописана на бумаге (в виде доктрин и концепций), но и реально направляет ежедневные решения, абсолютно критична. Без нее в условиях множества неизвестных переменных на уровне системы международных отношений особенно уязвимым становится не только глобальное лидерство США, но и элементарная безопасность американских граждан.

Не говоря уже о том, что санкционные гонки усугубляют традиционную проблему восприятия в международных отношениях, которая описана в классической [работе](#) Роберта Джервиса «Восприятие и неверное восприятие в международной политике». Сегодня эта проблема особенно актуальна для отношений Вашингтона не только с Россией. В той или

иной степени она представлена почти на всех ключевых векторах американской внешней политики: в отношениях с ЕС, Мексикой и Канадой, Китаем, странами Ближнего Востока.

Традиционным и проверенным средством минимизировать риски непонимания или неверного восприятия мотивов и намерений партнера/оппонента/конкурента/противника является [дипломатия](#). Но здесь еще одна серьезнейшая проблема: ход событий в российско-американских отношениях и различные влияющие на них факторы существенно снижают возможности дипломатов выполнять свою работу. Переговорные каналы максимально обрезаны, особенно после радикальных сокращений дипкорпуса. Даже по очевидно взаимовыгодным темам. И каждое новое санкционное решение сокращает дипломатические возможности еще больше.

Взрывоопасная нестратегичность

При этом очевидно, что санкционные гонки идут, прежде всего, не между Вашингтоном и Москвой, а между Белым домом и Конгрессом: кто докажет свою большую жесткость и решительность. И это результат внутривластных соображений республиканской администрации, которая стремится не дать демократам возможность зарабатывать политические очки на российской теме.

Но здесь есть важный нюанс. Сложившаяся ситуация, скорее всего, указывает на то, что реальной опасности со стороны России в США не ощущают. Несмотря на то, что в ходе [опросов](#) больше половины американцев называют российское влияние угрозой своему благополучию. Но даже аргумент о стратегической уязвимости США в случае нарастания конфликта с Россией, кажется, не воспринимается американцами достаточно серьезно, а лишь очень гипотетически. То есть все понимают, что Россия обладает ядерным арсеналом для уничтожения США, но дыхания этой угрозы в затылок, как в годы Холодной войны, нет. В противном случае в действиях Вашингтона не было бы сегодняшней хаотичности.

Такое положение дел, наверное, является результатом четвертьвекового опыта США в качестве единственной сверхдержавы в эпоху «конца истории». Также такому восприятию России способствует и объективная статистическая реальность: соотношение ВВП и военных бюджетов, демография и результаты стран в НИОКР. Отсюда создается как бы подсознательное чувство неважности российской проблемы, которая где-то в будущем все равно «рассосется» сама собой.

И в этом еще одна плохо осознанная опасность нестратегичности. В России соотношение собственного и западного потенциалов также хорошо понимают. И понимают, что происходящие сегодня преобразования системы международных отношений для нее куда более судьбоносны, чем для США. Для России – это вопрос выживания. А это значит, что у нее не остается других альтернатив, кроме как действовать все более решительно и рискованно по мере разрастания санкционных волн.

Восточная Европа и Беларусь

Действовать России придется по разным направлениям: и по уже привычным, и по новым. Еще большее напряжение будет чувствоваться в разных частях планеты. Но

особенно – в Восточной Европе. Этот регион в любом случае был и остается эпицентром физического и концептуального столкновения. В нем сконцентрировано большинство геополитических противоречий между Россией и Западом. Поэтому дальнейшая хаотичная эскалация напряженности при отсутствии стратегического осмысления означает для региона еще большую неопределенность и почти гарантированный перегрев. Ситуация усугублена тем, что для Вашингтона Восточная Европа все же не является приоритетом и воспринимается достаточно отдаленно. И особенно для президента Трампа: достаточно вспомнить его [заявления](#) в ходе избирательной кампании о том, что проблемами Украины должна заниматься Германия.

Как показали полтора года президентства Трампа, такая неприоритетность региона приводит не к «большим сделкам» с Россией, которых опасались многие западные и восточноевропейские страны, а к бессистемному подходу в двусторонних и многосторонних вопросах. То есть общая хаотичность в политике США по отношению к России в Восточной Европе может усиливаться еще большим количеством решений, не вписанных в стратегическое видение (которого и нет).

Новая санкционная волна ожидаемо ставит под еще больший вопрос и мизерные надежды на региональную стабилизацию после июльского саммита в Хельсинки. Как уже не раз отмечалось, наибольшую опасность в Восточной Европе это несет именно для Беларуси. При любом развитии событий в условиях дальнейшей эскалации геополитической напряженности Беларусь будет сталкиваться с повышенными рисками для собственной безопасности. По этой причине Минск и является основным стейкхолдером нормализации региональной ситуации. Однако инструментарий воздействия на эту ситуацию у Беларуси по понятным причинам очень ограниченный. Возможности Минска зависят, главным образом, от общих геополитических раскладов. И чем больше в этих раскладах будет стратегической определенности, тем с большей вероятностью Беларусь сможет избежать наихудших для себя сценариев. Очевидно, что санкционные гонки не могут вести к стратегической определенности.

Евгений Прейгерман

Руководитель экспертной инициативы «Минский диалог»